

УДК 371

Киреев А.А.
Kireev A.A.

Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора?

Is there a Chinese diaspora in the Russian Far East?

На основе предложенного автором определения понятия «диаспора», в статье дается оценка возможности применения этого понятия к китайским мигрантам, находящимся на российском Дальнем Востоке. Эмпирическую базу исследования составляют данные официальной статистики, результаты социологических опросов и мнения экспертов.

Ключевые слова: *трансграничная миграция, китайские мигранты, диаспора, этносоциальные общности, Китай, Россия, российский Дальний Восток*

Based on the author's definition of "diaspora", the article assesses the possibility of applying this concept to the Chinese migrants in the Russian Far East. The empirical base of the study includes the official statistics, the results of surveys and expert opinions.

Key words: *transborder migration, the Chinese migrants, diaspora, ethno-social communities, China, Russia, the Russian Far East*

Несмотря на произошедший в 2000-е гг. явный спад ажиотажного интереса к китайской миграции, она по-прежнему остаётся заметным явлением российской жизни, не выходящим из поля зрения учёных, политиков и общественности. При этом в общественно-политическом и научном дискурсе о китайском присутствии в России всё чаще употребляется такой термин, как «диаспора». Использование этого термина, как правило, не сопровождается какой-либо концептуальной рефлексией, основано обычно на молчаливом допущении того, что он является почти синонимичным термину «мигранты». Между тем, употребление применительно к китайским мигрантам в России термина «диаспора», вольно или невольно «подключает» к изучаемому предмету новые смыслы, которые не могут не оказывать существенного влияния на его анализ и обсуждение, и на получаемые в итоге теоретические и практические выводы.

Именно поэтому размышлениям о китайской диаспоре в России, и в т.ч. её дальневосточном регионе, должно предшествовать осознан-

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект «Разработка полидисциплинарного подхода к исследованию проблем безопасности в АТР в рамках инновационного направления антропологии международных отношений». 6.2263.2011.

ное решение принципиальной применимости данного понятия, которое, в свою очередь, требует предварительного раскрытия его содержания. Решение последней из этих двух проблем сопряжено со многими трудностями. Прежде всего, его осложняет фрагментированное состояние современных этнологии и этнополитологии, в рамках которых в основном и развивается сегодня теория этносоциальных общностей, включая диаспоры. Не останавливаясь на ведущихся этнологами и этнополитологами сложных дискуссиях о сущности, признаках и типах диаспор, я предложу здесь свою дефиницию этого понятия. Не претендуя на окончательность, это рабочее определение, вместе с тем, включает в себя основные, наиболее существенные, на мой взгляд, признаки общности диаспорального типа, из выделяемых современными исследователями. Итак, под диаспорой в настоящей работе будет пониматься устойчивая многопоколенная общность мигрантов, проживающих за пределами государства исхода (исторической родины), объединяемая формальными и неформальными социальными институтами и сохраняющая свою этнонациональную идентификацию и культурно-языковое своеобразие¹.

При всей абстрактности данного определения, требующего дальнейшей операционализации, оно указывает на те аспекты предмета, которые не могут быть обойдены исследованием, стремящимся ответить на вопрос: состоялась ли изучаемая общность мигрантов как диаспора. Опираясь на предложенную дефиницию, автор намерен рассмотреть эволюцию китайской миграции на Дальний Восток России и дать типологическую оценку его этносоциальным результатам.

Китайское присутствие на РДВ имеет длительную историю, на протяжении которой численность и положение мигрантов не раз существенно изменялись. Новейший период этой истории начинается с конца 80-х гг. XX в., когда жёстко лимитированные ранее трансграничные связи дальневосточного региона с Китаем вновь оживляются. Обновление внутреннего законодательства, а также заключение нескольких советско-китайских соглашений по вопросам социально-экономического сотрудничества, туризма и пограничного урегулирования способствовали кардинальному расширению форм взаимодействия региона с соседними провинциями КНР. Одним из проявлений этого процесса стал возобновившийся приток на РДВ китайских мигрантов.

Согласно переписи 1989 г., на территории РДВ находилось 1742 китайца [17, с. 81]. Хотя фиксирующие в основном постоянное население переписи, как правило, не дают адекватной картины миграционных процессов, в условиях ещё относительно стабильной ситуации конца 80-х гг., эти данные, по всей видимости, включают в себя большую часть присутствовавших в регионе китайцев. Уже с 1991 г. численность китайского населения РДВ начала стремительно возрастать, а её статистика – становиться всё менее надёжной.

Хронологически первой и долгое время основной формой миграции китайцев на территорию РДВ в новейший период был туризм. При этом китайский туризм в Россию изначально представлял собой внутренне разнородное явление. Весьма либеральный (до бесконтрольности) режим туристических поездок, установленный двусторонними договорённостями и в целом сохранявшийся до 2000 г., способствовал не только росту числа желающих посетить Россию с собственно туристическими (социокультурными) целями, но и появлению широкого спроса на использование этого миграционного канала в иных – экономических – интересах. По крайней мере, до конца 90-х гг., большинство китайских «туристов» в действительности въезжали в регион для ведения торговли и

¹ Подробнее о понятии «диаспора» и подходах к его определению см. работу автора [19], а также [24].

найма на работу. При этом численность официально занятых на РДВ китайских рабочих в этот период оставалась стабильно незначительной [2, с. 8-11].

Определённое повышение эффективности иммиграционного контроля в 2000-е гг. повлекло за собой уменьшение потока «псевдотуристов» и более чёткую дифференциацию статуса мигрантов по целям их пребывания в регионе. Соответственно, в эти годы в составе въезжающих из КНР увеличилась доля таких категорий мигрантов, как коммерсанты, служащие, студенты и рабочие. Удельный вес последних рос особенно быстро: с 2000 по 2010 гг. численность наёмных работников из Китая на РДВ повысилась примерно в 9 раз. Таким образом, с точки зрения мотивации, новейшая китайская миграция в регион (как и век назад) имеет в основном экономический характер, причём производственная составляющая в ней постепенно оттесняет торговую на второй план [2, с. 11; 10].

Обращаясь к рассмотрению динамики общей численности китайских мигрантов на РДВ в 1990-х – 2000-х гг., нельзя не коснуться вопроса о качестве используемых в настоящей работе количественных данных. Учётом мигрантов в России и её дальневосточном регионе, в частности в изучаемый период, занималось несколько государственных ведомств – пограничная (с 2003 г. ПС ФСБ) и миграционная (действует с 1994 г., с 2002 г. как ФМС МВД) службы, а также органы милиции. Каждое из этих ведомств (а также различные подразделения внутри них) производило измерения различных фаз и аспектов трансграничных миграционных потоков, применяя разные принципы и методики учёта. Так, пограничная служба фиксировала случаи пересечения мигрантами государственной границы, их въезд и выезд. Местные органы милиции осуществляли учёт мигрантов как физических лиц на основе данных о регистрации по месту жительства, а также о выдаче разрешений на временное проживание и видов на жительство. Миграционная служба первоначально отвечала главным образом за статистику численности иностранной рабочей силы, разрешения на привлечение которой выдавались её территориальными подразделениями. С введением в 2002 г. миграционных карт, на ФМС была возложена задача обобщения всех данных о движении иммигрантов, однако, по мнению экспертов, вплоть до второй половины 2000-х гг. решить эту задачу на практике так и не удалось [29, с. 77, 86-90; 32, с. 21-24]¹.

Использованию государственных статистических данных о внешних миграциях препятствуют не только их фрагментарность и частая взаимная несопоставимость. Общей проблемой всех видов такой статистики является низкая степень собственной валидности и надёжности каждого из них. Различные виды данных о мигрантах характеризуются либо неполнотой², либо избыточностью³. Ещё одна проблема заключается в труднодоступности многих измеряемых государственными ведомствами количественных показателей миграционных процессов, а порой и их полной закрытости для общества и исследователей [29, с. 86-91; 32, с. 21-24].

В подобных условиях государственная статистика не может служить достаточно прочной эмпирической базой для изучения китайского

¹ О введение в действие общеведомственной системы анализа (интерактивной карты) информации, собранной в центральном банке данных по учету иностранных граждан, руководством ФМС было объявлено лишь в июле 2011 г. [1].

² Этим особенно отличаются данные милиции о регистрации по месту жительства.

³ Это касается статистики пограничных органов, отражающей число пересечений границы, которое может существенно превышать число самих мигрантов.

присутствия в России в целом и на РДВ в частности. Это обуславливает широкую востребованность информации из различных неофициальных источников, включая оценки аналитических организаций и независимых экспертов и частные высказывания чиновников. Однако следует помнить, что такая информация имеет, как правило, вторичный и приблизительный характер, и по самой своей природе не в состоянии существенно прояснить изучаемые процессы. Таким образом, весь доступный массив количественных данных о китайских мигрантах в целом пригоден для описания лишь самых общих, средне- и долгосрочных, тенденций изменения их численности, для выявления наиболее крупных поворотных вех и этапов этого процесса.

Хронологическими рамками первого из таких этапов стали 1988 и 1996 гг. Целый ряд политических решений, либерализовавших условия миграционного движения между СССР и КНР, способствовали тому, что количество поездок китайцев в нашу страну в короткие сроки увеличилось в десятки раз. В 1993 г., по данным пограничного контроля, число въездов китайских граждан на территорию России достигло 751 тыс., причём около 480 тыс. из них пришлось на дальневосточный участок границы [14, с. 259; 26, с. 382-385]. Стремительный приток иностранных мигрантов и негативная реакция на него населения РДВ заставили власти во второй половине 1993 – 1994 гг. принять меры к ужесточению правил въезда и пребывания [18, с. 302-304]. Следствием этого стало резкое сокращение в 1994 – 1996 гг. количества поездок граждан КНР в Россию и её дальневосточный регион [13, с. 58; 26, с. 358]. В частности, в 1996 г. общее число въездов китайцев в Россию составило лишь 349 тыс., в т.ч. 250 тыс. через дальневосточную границу [9].

Зависимый от изменения объёма притока китайских мигрантов показатель их единовременного нахождения на территории РДВ в этот период имел, тем не менее, несколько иную, особую динамику. В условиях крайней неполноты и несистематичности доступных статистических данных территориальных органов внутренних дел, количество постоянно пребывающих в дальневосточном регионе китайцев можно определить только оценочно. Так, в 1993 г., по мнению экспертов, это количество составляло около 100 тыс. чел., а концу 1996 г. могло достигать 200 тыс. [4, с. 97-98; 17, с. 81].

Представленные цифры показывают, что число единовременно находящихся в регионе китайских мигрантов значительно уступало числу их въездов на РДВ из Китая, причём в 1993 г. это расхождение было почти пятикратным. Подобная ситуация вполне вероятна, учитывая, во-первых, транзитное движение части мигрантов в другие регионы страны, и, во-вторых, непродолжительность (до 1-2 мес.) самих поездок, совершавшихся в большинстве своём в целях ведения челночной торговли. Сложнее объяснить взаимно противоположную направленность изменений показателей въезда и пребывания китайских мигрантов на РДВ в 1994 – 1996 гг. На мой взгляд, рост числа находящихся в регионе китайцев при заметном сокращении количества пересечений ими границы был обусловлен последовавшим в ответ на ужесточение российской миграционной политики (и, прежде всего, иммиграционного контроля на линии границы) увеличением длительности поездок, а также массовым нарушением мигрантами сроков пребывания в России. Например, в Приморском крае в 1994 и 1995 гг., по сведениям паспортно-визовой службы, доля китайских мигрантов, не выехавших из страны в срок, составляла около трети от их общей численности [5].

Иные тенденции изменения количественных параметров китайской миграции на РДВ были характерны для этапа 1997 – 2001 гг. В эти годы количество въездов китайских граждан на территорию России че-

рез дальневосточный участок границы в целом постепенно возрастало: если в 1996 – 1999 гг. оно колебалось в пределах 250-280 тыс., то в 2000 г. достигло 350, а в 2001 г. – 386 тыс. случаев [9; 36]. Однако в то же самое время, по оценкам экспертов, численность китайцев, одновременно находящихся на территории дальневосточного региона, существенно снизилась: на рубеже 1990-х – 2000-х гг. она определялась примерно в 80 тыс. чел. [2, с. 10]. Это, на первый взгляд, парадоксальное явление вполне может быть объяснено повышением эффективности иммиграционного контроля. Уже к 1997 г. своевременная «возвращаемость» китайских туристов на родину достигла, по официальной информации, 99% [5]. Кроме того, в результате проведённых пограничниками, милицией и миграционными органами мероприятий на этом этапе за границу были принудительно выдворены десятки тысяч «задержавшихся» на РДВ китайцев [26, с. 399-401].

Третий этап новейшей истории китайского присутствия на РДВ продолжается с 2002 г. по настоящее время. На данном этапе количество поездок китайских граждан в регион поначалу сохраняло тенденцию медленного роста, увеличившись в 2005 г. до 445,5 тыс. [8]. Однако затем, под влиянием, с одной стороны, развёрнутой российскими властями борьбы с челночной торговлей, а с другой, мирового экономического кризиса, этот рост не только остановился, но и сменился определённым спадом [18, с. 389]. Повышение притока мигрантов на РДВ возобновилось с 2010 г., и, судя по неполным данным ФМС, показатель 2005 г. был вновь достигнут в 2011 г. [30].

Тем не менее, численность находящихся на РДВ китайцев на всём протяжении третьего этапа довольно устойчиво возрастала. По оценочным данным, к весне 2007 г. количество присутствующих в регионе китайских мигрантов составляло около 200 тыс. чел. [25, с. 150], а к лету 2010 г. – примерно 300 тыс. Даже если предположить, что последняя цифра является несколько завышенной¹, то сомневаться в том, что в начале 10-х гг. XXI в. прошлый максимум численности китайских мигрантов на РДВ, относящийся к 1996 г., был превзойдён, довольно трудно.

По всей видимости, такая динамика количественных показателей китайского присутствия на указанном этапе (как и в 1994 – 1996 гг.) объясняется двумя основными причинами – увеличением длительности поездок и нарушением мигрантами сроков своего «законного» пребывания в России. Однако, учитывая, что в 2002-2013 гг., по сравнению с 1990-ми гг., качество миграционного учёта и контроля в нашей стране повысилось, ведущим фактором роста китайского присутствия в регионе на этом этапе, на мой взгляд, следует считать первую из названных причин.

Географическое размещение китайских мигрантов в дальневосточном регионе в изучаемый период характеризовалось высокой неравномерностью. Прежде всего, несмотря на то, что выходцы из Китая на сегодня проживают почти во всех субъектах федерации, входящих в ДФО², подавляющее большинство из них сосредоточены на территориях четырёх краёв и областей, непосредственно примыкающих к российско-китайской границе [27, с. 78-91]. При этом с точки зрения количества въезжающих и пребывающих китайских мигрантов, между самими приграничными субъектами также существует ярко выраженное неравенство. Бесспорным лидером в этом отношении на протяжении постсоветской истории остаётся Приморский край. Вслед за ним в порядке убывания (со второй половины 1990-х гг. и до настоящего времени без существенных изменений) идут Амурская область, Хабаровский край и

¹ Она определена автором на основе: [25, с. 150] и [37].

² За исключением Чукотского автономного округа.

ЕАО [26, с. 387]. Подобная пространственная структура иммиграционных потоков обусловлена, прежде всего, протяжённостью участков государственной границы, к которым примыкают соответствующие субъекты, расположением последних относительно демографических и экономических центров, находящихся на сопредельных китайских территориях, а также ёмкостью их собственных рынков труда и товаров.

На территории приграничных краёв и областей в последнее двадцатилетие присутствие мигрантов из КНР фиксировалось как в городах, так и в малонаселённых сельских районах. Сопоставляя данные, относящиеся к 1990-м и 2000-м гг., можно отметить постепенный рост доли китайских граждан, проживающих в сельской местности региона. Эта тенденция была связана с повышением спроса на иностранную рабочую силу в аграрном секторе (овощеводство) и лесной отрасли РДВ, а также с расширением практики сдачи в аренду китайцам сельхозугодий [7, с. 258-262; 25, с. 210- 212, 217-218]. К негородским территориям региона с наиболее значительной численностью китайских мигрантов, в исследовательской литературе чаще всего относят Пограничный и Уссурийский районы Приморского края, Благовещенский сельский, Свободненский и Шимановский районы Амурской области, Хабаровский сельский район и район им. С. Лазо Хабаровского края [5; 15, с. 15].

Однако основными местами концентрации китайских мигрантов с 1990-х гг. и до настоящего времени остаются несколько важнейших экономических и демографических центров РДВ – Владивосток, Уссурийск, Благовещенск, Хабаровск и Биробиджан. Именно в этих крупнейших городах региона сосредоточена большая часть покупателей китайских товаров и труда.

В отличие от дореволюционного периода в названных выше городах сейчас не существует районов сплошного этнического заселения – т.н. «китайских кварталов». Тем не менее, как отмечают многие исследователи, в более локальных масштабах процессы «чайнатаунизации» в городской среде всё же идут. Китайцы часто компактно заселяют отдельные дома (гостиницы, общежития), которые пространственно тяготеют к активно используемым ими (или принадлежащим им) объектам экономической и социокультурной инфраструктуры – рынкам, ресторанам, кафе, магазинам и т.п. [12, с. 183- 184; 13, с. 101-106]. В некоторых случаях, вокруг китайских рынков создаются крупные многофункциональные инфраструктурные комплексы¹, которые, при появлении благоприятных условий, вполне могут послужить основой для формирования «чайнатаунов».

Значительная численность и географическая компактность являются необходимыми предпосылками для трансформации «текучей» дисперсной группы мигрантов в устойчивую диаспору. Однако оценить степень такой устойчивости можно лишь на основе информации о «внутренних» параметрах изучаемой общности, о её составе и сознании. Информацию об этих параметрах содержат результаты социологических обследований китайских мигрантов, неоднократно проводившихся на территории Дальнего Востока, начиная с середины 1990-х гг.

Следует отметить, что ценность результатов всех проводившихся опросов существенно снижается невозможностью построения достаточно репрезентативных выборок в условиях высокой неопределённости численности и состава изучаемой генеральной совокупности. Тем не менее, на сегодня выборочные опросы служат практически единственным источником данных по рассматриваемым параметрам китайских мигрантов.

¹ Подобный комплекс еще в 1990-е гг. возник вокруг находящегося в г. Уссурийске китайского рынка «Торговый центр» [5].

Другой важной проблемой, осложняющей использование опросных данных, являются различия в методиках их получения, включая выбор целевых социальных групп мигрантов, организацию их обследования и формулировки самих вопросов. Кроме того, в научной литературе нередко можно встретить относящиеся к изучаемой проблематике опросные данные, методики и обстоятельства получения которых освещаются очень приблизительно. В этих условиях круг социологических обследований, результаты которых могут рассматриваться как взаимно сопоставимые и валидные с точки зрения целей настоящего исследования, оказывается довольно узким.

Среди представленных в публикациях обследований китайских мигрантов периода 2000-х гг., мною были выделены четыре опроса. К их числу принадлежат опросы, проведённые под руководством А.П. Забияко и Р.А. Кобызова (2004 г.), Е. Загребнова (2005 – 2006 гг.), П.П. Ляха (2006 – 2007 гг.) и А.Г. Ларина (2007 г.). Все указанные обследования были сфокусированы на китайских мигрантах в крупных городах РДВ (Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Уссурийск)¹, охватывая, главным образом, такие их группы, как коммерсанты, служащие и студенты. В обследованиях применялись идентично или однотипно сформулированные вопросы.

Более сложной задачей оказался поиск необходимой информации, относящейся к 1990-м гг. Мне удалось найти только одно социологическое обследование этого периода, результаты которого вполне отвечают поставленным здесь целям и могут быть прямо сопоставлены с итогами обследований 2000-х гг. Это опрос китайских мигрантов (сотрудников китайских фирм, а также студентов и стажёров, обучающихся в российских учебных заведениях), проведённый по руководством В.Г. Гельбраса в феврале-марте 1999 г. в Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске.

В научной литературе можно встретить данные и других обследований 1990-х гг., посвящённых изучаемой проблематике. В частности, в работах В.Л. Ларина приводятся некоторые, весьма значимые для настоящего исследования, результаты опросов 1995 – 1997 гг., проводившихся среди китайских мигрантов в Южном Приморье. К сожалению, автор не даёт точного определения географических рамок этих опросов и социально-профессиональной принадлежности их участников, что не позволяет однозначно сравнивать полученные результаты с более поздними. Тем не менее, вероятно, что обследования 1995 – 1997 гг. были обращены примерно на ту же часть китайских мигрантов, что и опросы последующих лет, а потому они также будут использованы в проводимом анализе.

В своей совокупности результаты опросов содержат целый ряд показателей, которые могут послужить основой для оценки степени устойчивости общности китайских мигрантов на РДВ. Эти показатели условно можно разделить на «объективные» и «субъективные». К «объективным» показателям, характеризующим укоренённость иммигрантской общности, помимо самой длительности пребывания мигрантов в стране, на мой взгляд, следует относить, прежде всего, их половой и брачно-семейный состав. «Субъективными» же показателями изучаемого параметра могут выступать разносторонние оценки мигрантами уровня своей адаптированности к условиям принимающего общества и, в особенности, такое

¹ Опрос А.Г. Ларина, помимо городов РДВ, проводился и в Москве, однако ответы респондентов в большинстве случаев дифференцируются автором по географическому признаку. В опросе Е. Загребнова, кроме мигрантов, находящихся в Благовещенске, Владивостоке и Уссурийске, принимали участие и китайцы, проживающие в Забайкальске.

интегральное выражение этого уровня, как намерение остаться в стране въезда для длительного (постоянного) проживания¹.

Информация по вопросу о степени устойчивости общности китайских мигрантов на РДВ, которую можно извлечь из результатов опросов 1995 – 1997 гг., приводимых В.Л. Лариным, довольно скупа. Так, согласно обследованию 1995 г., среди находившихся в это время в Южном Приморье китайцев резко преобладали мужчины (до 90%). Кроме того, опросы 1995 – 1997 гг. показали, что только 18% респондентов хотели бы поселиться в России надолго [26, с. 393, 404-405].

Более широкие сведения по поставленному вопросу даёт обследование В.Г. Гельбраса. По данным этого автора, от 10 до 20% опрошенных во Владивостоке, Хабаровске и Уссурийске китайцев (в среднем по трём городам – 14,3%), проживали в России более 5 лет [6, с. 63]. При этом, около 66% от всех мигрантов, обследованных под руководством В.Г. Гельбраса в дальневосточных городах, а также несколько ранее (октябрь-ноябрь 1998 г.) в Москве, составляли мужчины. От 11 до 39% китайцев, принявших участие в опросе в различных городах РДВ (в среднем по трём городам – 19,7%), жили в них с женой (мужем), в т.ч. от 4 до 6,1% – с детьми [6, с. 66-67].

Хотя данные представленных выше опросов могут сопоставляться лишь с определёнными оговорками, они свидетельствуют о том, что уже на протяжении 1990-х гг. устойчивость сообщества китайских мигрантов на РДВ заметно возросла. Если в первой половине этого десятилетия китайское присутствие в регионе почти полностью исчерпывалось потоками временных (в основном, сезонных) мигрантов, то к концу 1990-х гг. в его структуре начинается формирование относительно стабильного ядра из граждан КНР, избравших территорию РДВ местом своего постоянного проживания. Особенно ярким маркером этого процесса стало появление в это время в дальневосточных городах китайских семей с детьми. Вместе с тем, соглашаясь с исследователями, фиксирующими на основе опросных и иных данных, начавшуюся в регионе в конце 1990-х гг. диаспоризацию китайских мигрантов [26, с. 401-402, 404-406], следует подчеркнуть, что говорить применительно к этому периоду о китайской диаспоре на РДВ, как о состоявшемся явлении, явно преждевременно.

Сравнительно большой, хотя и недостаточно полный, корпус данных относительно изменений в устойчивости общности китайских мигрантов в регионе содержат результаты обследований 2004-2007 гг. Так, в опросе А.П. Забияко и Р.А. Кобызова (2004 г.) и опросе А.Г. Ларина (2007 г.) устанавливалась длительность проживания респондентов в России². Как показал опрос 2004 г., 11% от всех опрошенных китайцев (или 29,8% от всех ответивших) находились в России свыше 5 лет [13, с. 369]. Согласно опросу 2007 г., таковых было уже 23% [25, с. 170].

В двух упомянутых выше обследованиях, а также в опросе П.П. Ляха (2006 – 2007 гг.), респондентам задавался вопрос о том, желают ли они проживать в России постоянно. В обследовании 2004 г. положительный ответ на этот вопрос дали 37,2% опрошенных (или 39,2% от числа ответивших) [13, с. 357]. В обследовании 2006 – 2007 гг. подобный ответ был

¹ Разумеется, что планы относительно длительности проживания в данной стране отражают не только уровень адаптированности к ее условиям, но и, в той или иной мере, также уровень дезадаптированности мигрантов по отношению к условиям страны выезда.

² Формулировки соответствующих вопросов в обследованиях А.П. Забияко и Р.А. Кобызова и обследовании А.Г. Ларина различны: если в первом из них респондентов спрашивали о количестве лет, прожитых в российском регионе (Амурская область), то во втором – о количестве лет, прожитых в России.

получен от 38% респондентов, а в опросе 2007 г. - от 27% [25, с. 195-196; 39, с. 102].

Доля среди опрошенных китайских мигрантов лиц мужского пола измерялась в опросе А.П. Забияко и Р.А. Кобызова и в опросе А.Г. Ларина¹. По результатам обоих исследований – 2004 и 2007 гг. – половой состав респондентов оказался одинаковым: около 60% из них были мужчинами [13, с. 103; 25, с. 164].

Вопрос о брачно-семейном положении мигрантов присутствовал только в обследовании Е. Загребнова (2005 – 2006 гг.). Согласно полученным им данным, 78% опрошенных китайцев проживали в России со своей женой (мужем) [14, с. 262-263].

К сожалению, ни одно из рассматриваемых социологических обследований 2000-х гг. не включало в себя вопросов, касающихся наличия, количества и места жительства детей китайских мигрантов. Поэтому судить о динамике естественного воспроизводства общности китайских мигрантов на РДВ можно только по косвенным опросным данным или исходя из информации ведомственного происхождения. Так, по сведениям Министерства образования и науки РФ, на 2011 г. в дальневосточных вузах обучалось не менее 2000² китайских студентов [31]. Есть основания полагать, что значительная часть из этих студентов являются детьми проживающих в регионе мигрантов из КНР. В частности, в пользу этого говорят данные обследования Е. Загребнова, согласно которым в российских вузах обучаются дети 84% опрошенных китайских коммерсантов [14, с. 263]. Очевидно, что эта цифра вряд ли может считаться репрезентативной для всех китайских мигрантов (и даже для всех китайских торговцев) в регионе. Тем не менее, недооценивать масштабы данного явления в крупнейших городах РДВ также не следует: например, из 408 китайских студентов, учащихся в 2008 г. в вузах Благовещенска, большинство были детьми китайских коммерсантов, работавших в Амурской области [16, с. 232]. Судя по сообщениям СМИ, со своими родителями на территории дальневосточного региона проживает (и обучается в российских школах) и определённое количество детей младшей возрастной группы [22].

Несмотря на неполноту и неоднозначность информации о составе китайских мигрантов на РДВ в 2000-е гг., её сопоставление с соответствующими данными, полученными в 1990-е гг., позволяет сделать некоторые выводы. Так, результаты опросов указывают на тенденцию к увеличению на протяжении изучаемого периода доли в составе мигрантов из Китая лиц, длительно проживающих на территории региона. Учитывая непродолжительность временного интервала между измерениями (1999 и 2007 гг.), темпы увеличения веса в структуре китайской миграции её устойчивого ядра можно считать достаточно высокими. По всей видимости, ускорению процесса «оседания» китайских мигрантов на РДВ поспособствовал целый ряд мер по повышению эффективности миграционного учёта и контроля, принятых в первое десятилетие XXI в.

На фоне увеличения продолжительности проживания китайцев на территории дальневосточного региона, намного более значительный рост демонстрирует показатель готовности приезжих стать постоянными жителями России. Как показывают опросы 2004 и 2006 – 2007 гг., в сравнении с 1995 – 1997 гг., доля высказывающих такое желание выросла более чем в 2 раза. Это свидетельствует о том, что сложившееся на сегодня ядро общности китайских мигрантов имеет хорошие предпо-

¹ В опросе А.Г. Ларина показатель доли мужчин обобщает данные по опрошенным на РДВ и в Москве.

² Эта цифра, по моему мнению, существенно занижена.

сылки для дальнейшего расширения. Вместе с тем, следует помнить, что в данном случае речь идёт о предпосылках «субъективного» плана, которые отличаются своей нестабильностью, высокой чувствительностью к разного рода конъюнктурным факторам. На то, что намерения китайских мигрантов подвержены значительным ситуативным (а возможно, и географическим) колебаниям, указывают, в частности, результаты опроса 2007 г., существенно расходящиеся с данными опросов 2004 г. и 2006 – 2007 гг.

Важным условием укоренения мигрантов в принимающем обществе является выравнивание их полового состава. Данные опросов 1995-1997, 1999, 2004 и 2007 гг. фиксируют значительный и неуклонный рост среди китайских мигрантов на РДВ доли женщин и сокращение, таким образом, численного дисбаланса между полами. Вполне закономерно, что этому процессу сопутствовало и увеличение количества в регионе китайских семей. Представляется маловероятным, что за период с 1999 по 2005 – 2006 гг. доля китайских мигрантов, проживающих на РДВ с женой (мужем), возросла сразу в 4 раза (с 19,7 до 78%). Подобное соотношение двух значений показателя семейного положения, по-видимому, объясняется тем, что более позднее из них относится не ко всем пребывающим в дальневосточных городах китайцам, а к такой их специализированной группе, как коммерсанты. Тем не менее, трудно сомневаться в том, что рост числа проживающих в регионе китайских брачных пар в этот период был весьма существенным.

Наиболее сложной задачей в изучении изменений в устойчивости общности китайских мигрантов на РДВ является оценка динамики её естественного воспроизводства. Доступные опросные и иные количественные данные 1990-х – 2000-х гг. характеризуют этот процесс с различных сторон и плохо поддаются сопоставлению. С уверенностью можно говорить, пожалуй, лишь о том, что доля китайских мигрантов, проживающих на РДВ вместе со своими детьми, в изучаемый период имела общую тенденцию к росту. К такому заключению приводят сделанный выше вывод об увеличении количества в регионе китайских семей, официальная статистика, свидетельствующая о происходившем в те же годы росте численности китайского студенчества¹, а также уже упоминавшиеся данные о том, что значительная (а возможно, и большая) часть обучающихся в дальневосточных вузах китайцев являются детьми находящихся в регионе мигрантов. Для уточнения возрастного состава мигрантов из Китая и получения развёрнутой характеристики демографических и социальных параметров проживающих на РДВ китайских детей необходимо проведение специализированных и более детальных социологических обследований.

Укоренение иммигрантов на территории принимающей страны может сопровождаться утратой ими своих культурных особенностей, аккультурацией и ассимиляцией. Если подобные процессы приобретают достаточно большой размах, то формирование или сохранение диаспоры становятся невозможными. Насколько можно судить, находящиеся сегодня на РДВ выходцы из КНР терять культурное своеобразие, в большинстве случаев, отнюдь не склонны. Исследователи китайской миграции в Россию, опирающиеся как на материалы опросов, так и на обеспечивающие более глубокое погружение в сознание респондентов качественные методики, в целом согласны в том, что для китайцев характерны высокая обособленность от окружающего общества, бытовая и духовная самоизоляция [6, с. 48-55, 78; 13, с. 101-102; 16, с. 37, 116-119; 33].

¹ Количество китайских студентов в России увеличилось с 14 тыс. в 2006 г. до 25 тыс. в 2013 г. [11; 33].

К сожалению, несоизмеримость применяемых учёными методик не даёт возможности раскрыть этот вывод подробнее и рассмотреть культурную жизнь китайских мигрантов и их коммуникацию с инокультурным окружением в динамике. Поэтому в настоящей работе я буду основываться главным образом на данных только одного из затрагивающих эту тему исследования – опроса П.П. Ляха, проведённого в 2006 – 2007 гг. Преимуществом этого обследования является то, что в ходе него из состава респондентов была выделена группа желающих остаться в России на постоянное жительство (38% от всех опрошенных), которая была в дальнейшем подвергнута более детальному изучению. Таким образом, опрос П.П. Ляха позволяет получить представление о степени социокультурной интегрированности в принимающее общество устойчивого ядра общности китайских мигрантов, находящихся на РДВ.

В ходе названного обследования респондентам были заданы вопросы об уровне знания ими русского языка, «обычаев и традиций россиян», а также об интенсивности их общения с коренным населением страны. Ответы китайских мигрантов на первый из этих вопросов показали, что 33% из опрошенных не знают русского языка вовсе или знают лишь «несколько необходимых слов», 39% – «понимают и немного говорят», а 28% – «свободно говорят» или «владеют в совершенстве». Отвечая на второй вопрос, 29% респондентов сообщили, что не знают обычаев и традиций россиян, 44% – что знают наиболее известные из них, а 27% – что знают многие. Ответы на третий вопрос распределились следующим образом: 20% опрошенных не общаются ни с кем из россиян, 25% – общаются либо со знакомыми по работе, либо с работодателями, а 35% – имеют русских друзей [39, с. 104-105].

Если интерпретировать приведённые данные с точки зрения степени социокультурной интегрированности (аккультурации) устойчивого ядра китайцев региона, выделяя в нём интегрированный, слабоинтегрированный и неинтегрированный компоненты, то можно сделать вывод о том, что полученные ответы в целом свидетельствуют о значительном преобладании совокупной доли слабоинтегрированных и неинтегрированных мигрантов. При этом, по таким показателям как владение языком и знание обычаев и традиций, доля социокультурно интегрированных в российское окружение китайских мигрантов уступает не только совокупному весу слабо- и неинтегрированных, но и доле каждого из этих компонентов по отдельности.

Таким образом, несмотря на относительно большую (это подтверждает сравнение с ответами второй группы участников того же опроса, ориентированных на временное пребывание в России [39, с. 102-105], социокультурную интегрированность в принимающее общество устойчивого ядра китайских мигрантов, его представители в большинстве своём сохраняют тот обособленный образ жизни, который характерен для китайской миграции в целом. Если избравшие РДВ для постоянного жительства китайцы и подвергаются аккультурации, то масштабы и глубина этого процесса остаются пока незначительными.

Косвенным, но достаточно валидным, на мой взгляд, показателем отношения китайских мигрантов к аккультурации и ассимиляции с коренным населением РДВ может служить также количество случаев принятия ими российского гражданства. При всей сложности мотивов получения китайцами гражданства РФ (за таким решением могут стоять и чисто прагматические, в т.ч. коммерческие, интересы), этот показатель в целом более определённо характеризует социокультурные предпочтения мигрантов, чем используемая в изучении этого вопроса многими исследователями статистика межэтнических браков. На то, что принятие китайскими мигрантами гражданства РФ имеет для них, как правило,

не только инструментальное, но и ценностно-символическое значение указывают, кроме того, действующий в КНР законодательный запрет на двойное гражданство [25, с. 412-413] и редкость случаев отказа от полученного гражданства.

По приводимым в научной литературе данным, к 2003 г. на РДВ находилось лишь немногим более 700 китайцев, получивших российское гражданство или вид на жительство [34, с. 222]. Судя по всему, большую часть этого количества составляли мигранты, получившие вид на жительство. В пользу такого вывода говорит статистика по одному из наиболее посещаемых китайцами дальневосточных субъектов – Амурской области, где с 1991 по 2008 гг. китайское гражданство на статус гражданина РФ поменяли всего 26 человек [7, с. 247]. Безусловно, нельзя не учитывать того, что в силу сложности и длительности¹ процедуры приобретения российского гражданства, получить его могут далеко не все желающие. Однако и устранение существующих сегодня в этой сфере административных препон вряд ли бы привело к массовому преобладанию оседающих в регионе китайцев в российских гражданах. Так, по данным обследования А.Г. Ларина, желание сменить своё гражданство выразили только 9% из опрошенных на РДВ китайских мигрантов [25, с. 196].

Сохранение проживающими на РДВ китайцами национальной идентификации и культурного своеобразия обусловлено, с моей точки зрения, не только замкнутостью, дистанцированностью большинства долгосрочных мигрантов от российского окружения, но и прочностью их связей с родиной. Для проверки этого утверждения было целесообразным сопоставить уже выявленную степень интенсивности несвязанных прямо с трудовой деятельностью социокультурных контактов китайских мигрантов с россиянами и интенсивностью их такого же рода взаимодействия с соотечественниками, находящимися по другую сторону границы. В отсутствие специальных исследований, определённую информацию по этой теме можно почерпнуть из ответов китайских мигрантов (из дальневосточных городов и Москвы) на заданный в ходе обследования А.Г. Ларина вопрос: «Ваши связи через границу с другими мигрантами?» Отвечая на названный вопрос, 76% респондентов отметили значимость для них таких связей. При этом 47% опрошенных указали, что они отправились в Россию, получив обещания помощи от своих уже находившихся в нашей стране друзей, а 29% – что они сами посоветовали приехать в Россию своим друзьям или родственникам из Китая [25, с. 172].

Необходимым условием существования любой диаспоры является достаточно высокий уровень развития её институциональной структуры, т.е. нормативно регламентируемых и регулируемых механизмов взаимодействия её представителей. В зависимости от преобладающего типа норм, определяющих работу таких механизмов, их можно разделить на формальные и неформальные. Согласно широко принятому среди специалистов мнению, для китайской иммиграции, практически во всех странах, где она имеет место, характерен высокий уровень неформальной институализации [16, с. 116]. Исследования китайских мигрантов, пребывающих на РДВ, в целом подтверждают этот общий тезис. На протяжении последнего десятилетия существование в регионе разного рода неформальных объединений китайцев – общин, цехов, землячеств, преступных сообществ – фиксировалось многими исследователями [6, с. 50-55; 13, с. 101-104; 14, с. 263-264; 26, с. 406-407; 35, с. 178-187]. Несмотря на то, что приводимая в литературе информация о подобных институтах обычно очень неточна и фрагментарна, она даёт возможность

¹ Либо, в случае использования незаконных каналов, высокой стоимости покупки соответствующих документов.

выделить ряд свойственных им общих черт. Во-первых, неформальные объединения мигрантов формируются, как правило, по профессиональному (вид торговой или производственной деятельности) или земляческому (территория проживания в Китае) принципам. При этом нередко оба этих принципа объединения оказываются неразрывно связаны. Во-вторых, неформальные организации китайских мигрантов отличаются иерархической структурой, обеспечивающей высокую сплочённость и дисциплинированность их членов. Наконец, в-третьих, для таких объединений характерно одновременное осуществление экономических (торговых и производственных), социокультурных и административно-управленческих функций.

По своим структурным и функциональным свойствам к неформальным институтам китайских мигрантов близки многие из действующих на РДВ китайских коммерческих фирм и компаний. Будучи, с одной стороны, формальными, официально зарегистрированными организациями, с другой, они зачастую возлагают на себя различные непрофильные, выходящие за рамки их правового статуса обязанности, в т.ч. по обеспечению находящихся в России соотечественников культурными и информационными услугами, а также юридической помощью [13, с. 103-104]. Подобная двойственность, наличие в деятельности этих коммерческих организаций теневой составляющей позволяет рассматривать их в качестве институтов особого полуформализованного типа.

Складывание неформальных и полуформализованных институциональных структур взаимодействия мигрантов является, на мой взгляд, важной, но недостаточной предпосылкой для трансформации их дисперсной группы в диаспору. В силу некоторых своих особенностей неформальные и полуформализованные структуры не способны полноценно исполнять роль институционального каркаса диаспоральной общности. Прежде всего, следует отметить, что их деятельность имеет, как правило, очень ограниченный, локальный масштаб¹. Кроме того, подобные институты характеризуются неспециализированностью: социальные и управленческие функции являются для них вторичными и побочными по отношению к основной, экономической, деятельности. Наконец, не обладая легальным статусом, неформальные и полуформализованные институты не могут официально представлять интересы китайских мигрантов в отношениях с российскими органами власти.

Консолидация китайской диаспоры, регулирование отношений внутри неё и между ней и принимающим обществом на уровне всего дальневосточного региона, а тем более страны в целом, могут быть обеспечены лишь достаточно крупными, специализированными институтами, работающими в рамках публично-правового поля. Процесс создания таких институтов на РДВ начался уже в первой половине 1990-х гг.

Судя по научным публикациям и сообщениям СМИ, в течение 1990-х – 2000-х гг. на РДВ в разное время существовало в общей сложности около двух десятков зарегистрированных общественных и иных некоммерческих организаций, защищавших права и интересы китайских мигрантов. Большинство из этих организаций представляли собой объединения предпринимателей, однако их деятельность (даже исходя из её официально заявленных целей) обычно выходила далеко за рамки содействия развитию китайского бизнеса. Подобные организации городского, областного или краевого уровней нередко возлагали на себя за-

¹ Вполне возможно, что локальные китайские общины и землячества в России, как считают некоторые исследователи, связаны устойчивыми сетевыми отношениями [6, с. 95]. Однако и в этом случае речь может идти о существовании скорее не единой их сети регионального или общероссийского масштаба, но множества сетей различного типа и размера.

дачи решения правовых и социальных проблем самых широких слоёв китайцев, проживающих на соответствующих территориях РДВ, в т.ч. посредством налаживания взаимодействия с российскими и китайскими органами местной и региональной власти [26, с. 407].

Следует отметить, что организации, представляющие интересы находящихся на РДВ китайских мигрантов, создаются не только гражданами КНР. Их учредителями и членами могут являться и граждане РФ, как китайской, так русской национальности. Последние в основном состоят из бизнесменов, ведущих дела с китайскими партнёрами.

Оценить эффективность выполнения китайскими и российско-китайскими организациями в регионе функций представительства и защиты интересов мигрантов довольно сложно. Исходя из того, что деятельность подобных институтов в публичном, т.е. прежде всего информационном, пространстве заметна крайне мало, её эффективность в целом вряд ли можно считать высокой. Такое положение обусловлено многими факторами, в т.ч. краткими сроками существования большинства китайских и российско-китайских организаций, трудностями в приведении их работы в соответствие с нормами законодательства РФ и обычно настороженным отношением к ним со стороны местных и региональных органов власти.

Впрочем, как показывает динамика сообщений в СМИ, с начала 2000-х гг. в дальневосточном регионе РФ и, особенно в Приморском крае наметилась тенденция к определённому росту активности и публичности мигрантских организаций. Эта тенденция связана с участвовавшим проведением китайскими и российско-китайскими организациями благотворительных акций, направленных на помощь различным категориям дальневосточников – ветеранам, инвалидам, студентам, изучающим китайский язык, и т.д. Такие акции, как правило, проводятся в сотрудничестве с российскими общественными и государственными институтами, органами местной власти и не остаются без внимания печатных и электронных СМИ [20; 21; 28; 38]. Достигаемое в результате улучшение имиджа мигрантских организаций безусловно способствует повышению эффективности реализации ими и своих основных функций.

Оживление в последние годы контактов китайских организаций с российскими органами власти и общественными структурами происходило во многом при активном содействии и посредничестве Генерального консульства КНР в г. Хабаровске и его отделений [20; 23, с. 129-130; 28]. По всей видимости, растущая активность консульских органов в этом направлении продиктована не только запросами самих мигрантов, но и изменениями во внешней политике Китая [3]. Так или иначе, в настоящее время консульская служба играет важную роль в укреплении и повышении влияния формальных институтов общности китайских мигрантов на РДВ. Кроме того, выполняя функции координирующего центра, она создаёт условия для дальнейшей более тесной интеграции разбросанных по территории региона китайских организаций.

Наметившиеся тенденции, однако, ещё не приобрели того масштаба, который мог бы кардинально изменить состояние институциональной структуры китайского присутствия в регионе. Для представляющих интересы китайских мигрантов формальных институтов в целом по-прежнему характерны непродолжительность существования, локальность деятельности и разобщённость. На сегодняшний день они ещё не в состоянии поддерживать единство общности китайских мигрантов в той степени, которая необходима для обеспечения её общественно-политической субъектности на уровне всего дальневосточного региона.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что к концу 2000-х гг. в составе дисперсной группы пребывающих на РДВ ки-

тайских мигрантов сформировалась достаточно многочисленная категория лиц, ориентированных на укоренение в данном регионе. В эту категорию входит от одной пятой до трети находящихся на РДВ китайских коммерсантов, служащих и студентов, т.е. той части мигрантов, которая сосредоточена в нескольких крупнейших городах региона и обычно является непосредственным объектом опросных обследований¹. При этом потенциал роста относительной доли этого устойчивого ядра в общей массе китайских мигрантов на изучаемой территории, судя по всему, ещё не исчерпан.

Как показывают опросные данные, среди принадлежащих к устойчивому ядру мигрантов из КНР, доля тех, кто нацелен на натурализацию и, в конечном счёте, ассимиляцию с коренным населением страны, едва ли превышает 10%. Таким образом, большинство рассматриваемой категории китайцев привержено сохранению своей национальной идентификации и использует стратегию коллективной адаптации в принимающем обществе. Эта стратегия предполагает, что социокультурные (информационные, ценностные, поведенческие) связи между самими мигрантами и между ними и страной исхода имеют большую интенсивность, чем их контакты с инонациональным окружением. В случае с китайскими мигрантами, оседающими на РДВ, это различие в интенсивности контактов особенно значительно: доля среди этой категории мигрантов лиц, социокультурно интегрированных в российское общество, не превышает трети, тогда как трансграничные связи значимы для более чем трёх четвертых от их общего состава.

Наряду с социокультурными связями внутреннему сплочению устойчивого ядра общности китайских мигрантов на РДВ содействуют созданные им институциональные механизмы – как неформальные, так и формализованные. Происходящее при косвенной поддержке китайского государства поступательное развитие последних, повышение их активности и влияния, формируют предпосылки для превращения в дальнейшем мигрантов из КНР в одного из субъектов общественно-политической жизни региона.

Демографические, социокультурные и социально-политические тенденции в эволюции общности китайских мигрантов на РДВ в последние двадцать лет в целом недвусмысленно указывают на то, что значительная её часть вовлечена в процесс диаспоризации. В какой же стадии находится это процесс сегодня и насколько он далёк от своего завершения? Настоящее исследование не может дать на эти вопросы точных ответов. Это связано с двумя обстоятельствами. Первое из них заключается в недостаточной разработанности теории этно-национальных процессов и в т.ч. процесса диаспоризации. На основе существующих концепций можно сформулировать общую дефиницию понятия «диаспора», которая позволяет дифференцировать его от смежных понятий, и прежде всего понятия «дисперсная группа». Однако нынешняя степень изученности темы не даёт возможности провести достаточно полную операционализацию этого понятия, которая бы в измеримых показателях фиксировала момент перехода общности мигрантов из состояния «дисперсной группы» в состояние «диаспоры».

Второе обстоятельство (отчасти являющееся следствием первого) состоит в неполноте и фрагментарности доступной эмпирической информации об общности китайских мигрантов на РДВ. При этом особенно немногочисленны данные, характеризующие особенности устойчивого

¹ Китайские промышленные и сельскохозяйственные рабочие намного менее доступны для обследований. Вместе с тем, в силу в основном контрактного порядка пребывания этой категории мигрантов в России, потенциал ее диаспоризации вряд ли значителен.

ядра этой общности, непосредственно участвующего в процессе диаспоризации. Названная часть китайских мигрантов должна стать объектом специальных лонгитюдных обследований, сфокусированных, прежде всего, на таких её аспектах, как численность, половой, возрастной и брачный состав, доля внутренних браков, соотношение естественного и миграционного прироста. Анализ динамики значений перечисленных показателей, подлежащих, на мой взгляд, обязательному включению в операциональное определение диаспоры, позволил бы достаточно точно оценить степень приближения изучаемой категории китайских мигрантов в регионе к этому типу этносоциальной общности.

Пока же с уверенностью можно констатировать только то, что формирование китайской диаспоры на РДВ ещё не завершено. На это определённо указывает малочисленность проживающих в регионе китайских детей – общность китайских мигрантов на сегодня остаётся в основном однопоколенной. О том же свидетельствует и сохраняющийся высокий уровень нестабильности и децентрализованности формальной институциональной структуры этой общности. Основная (но не единственная) причина незавершённости процесса диаспоризации очевидна: китайская миграция на РДВ возобновилась по историческим меркам сравнительно недавно. Поэтому фактор времени может оказаться вполне достаточным условием для завершения данного процесса. При сохранении существующих тенденций развития ядро общности китайских мигрантов в регионе, с моей точки зрения, способно трансформироваться в полноценную диаспору уже в течение ближайшего десятилетия.

Литература

1. «Мы обречены на удачу» Константин Ромодановский // ФМС РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)
2. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
3. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. № 6 (39). С. 41-60.
4. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая стольпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. С. 80-120.
5. Витковская Г.С. Дальневосточный регион России: внешние взаимодействия в сфере миграции // Семинар «Внешнеэкономическая деятельность регионов: роль в федерализации России». 30 ноября 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/vitkovskaja.htm> (дата обращения: 10.05.2011 г.)
6. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
7. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Волынчук. Владивосток, 2010. 626 с.
8. Голюк Н.С. Криминологическое обеспечение миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе России: Региональный компонент. Автореф... канд. юр. наук. Иркутск, 2007 // Юридическая Россия: [Электронный

ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1277577> (дата обращения: 10.05.2011 г.)

9. Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/ (дата обращения: 10.05.2011 г.)

10. Дмитрий Медведев порекомендовал погранслужбам создавать современную инфраструктуру и правила, которые бы мигранты не хотели нарушать. 03.07.2010 // Правительство Амурской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1877&n=814&rn=1> (дата обращения: 10.10.2011 г.)

11. Дмитрий Медведев посетил Хэфэйский научно-исследовательский институт физики плазмы и встретился со студентами и преподавателями Китайского университета науки и технологий // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/7705> (дата обращения: 25.10.2013 г.)

12. Дятлов В.И. Китайские мигранты в современной России: практики взаимной адаптации // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 180-185.

13. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

14. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. № 1. С. 252-277.

15. Захарова О.Д., Миндогулов В.В., Рыбаковский Л.Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 11-21.

16. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжовой. Иркутск: «Отгис», 2009. 264 с.

17. Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 76-87.

18. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

19. Киреев А.А. Диаспоризация китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока // Известия Восточного института. 2011. № 2. С. 80-90.

20. Китай помнит и благодарит солдат победы // РИА Восток Медиа. 7.05.2009. [Электронный ресурс]. URL: [www http://vostokmedia.com/n44568.html?print](http://vostokmedia.com/n44568.html?print) (дата обращения: 18.10.2013 г.)

21. Китайские бизнесмены Владивостока хотят поздравить наших ветеранов // Vl.ru. 20.04.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2009/04/20/kitajcy/> (дата обращения: 8.05.2011 г.)

22. Китайские дети во Владивостоке заговорят по-русски // PrimaMedia.ru. 9.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/show.php?id=148735&printmode=1> (дата обращения: 8.09.2011 г.)

23. Козлов Л.Е. Диаспоры в региональных политических процессах Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2010. № 1. С.128-136.

24. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Заграница. [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2020.shtml (дата обращения: 19.09.2011 г.)

25. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

26. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

27. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 74-95.

28. Национальные диаспоры Владивостока активизируют участие в общественной жизни города // РИА Восток Медиа. 18.09. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://vostokmedia.com/n55439.html> (дата обращения: 10.10.2011 г.)

29. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С.Н. Градиrossoвского. М., 2005.

30. Региональное совещание с начальниками территориальных органов ФМС России по ДФО состоялось в Южно-Сахалинске // УФМС по Хабаровского краю: [Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-khb.ru/node/433> (дата обращения: 18.10.2013 г.)

31. Реморенко И. Россия планирует расширить программу государственной поддержки обучения китайских студентов // Женьминь жибао он-лайн. Русский язык. 23.09. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7603137.html> (дата обращения: 10.10.2011 г.)

32. Рязанцев С. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора // *Международные процессы*. 2012. Т.10. № 3. 21-24.

33. Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования 20.03.2011 // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (дата обращения: 8.10.2013 г.)

34. Северо-Восточный Китай на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2005. 240 с.

35. Синь Янь, Н. П. Яблоков. Борьба с мафией в Китае. Овчинский В.С. Мафия XXI в.: сделано в Китае. М.: Норма, 2006. 192 с.

36. Сотни тысяч одних китайцев // *Время новостей*. № 108. 21 июня 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm> (дата обращения: 10.06.2011 г.)

37. Стенографический отчет о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. 3 июля 2010 г. Благовещенск // Президент России: [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8278> (дата обращения: 20.10.2013 г.)

38. Стипендиальный фонд учредила Ассоциация китайских предпринимателей Приморского края ООО "ХуаЛянь" в Институте Конфуция ДВФУ // DV-Brand.ru 13.09.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dv-reclama.ru/dvbussines/obrazovanie/detail.php?blog=dvfu&post_id=10651 (дата обращения: 10.10.2011 г.)

39. Строева Г.Н. Стратегии адаптации трудовых мигрантов из Китая // *Власть и управление на Дальнем Востоке России*. 2007. № 4. С. 101-108.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. «Му obrecheny na udachu» Konstantin Romodanovskij // FMS RF [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)

2. Bezrukov I.S., Gorbenkova E.V. Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoj rabochej sily v ehkonomie Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 208 s.

3. Borokh O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya // *Pro et Contra*. 2007. № 6 (39). S. 41-60.

4. Vitkovskaya G., Zajonchkovskaya ZH. Novaya stolypinskaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii // *Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: mezhstranovye vzaimodejstviya*. М.: Gendalf, 1999. S. 80-120.

5. Vitkovskaya G.S. Dal'nevostochnyj region Rossii: vneshnie vzaimodejstviya v sfere migratsii // Seminar «Vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost' regionov: rol' v federalizatsii Rossii». 30 noyabrya 1999 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/vitkovskaja.htm> (data obrashheniya: 10.05.2011 g.)
6. Gel'bras V.G. Kitajskaya real'nost' Rossii. M.: Muravej, 2001. 320 s.
7. Geopoliticheskij potentsial transgranichnogo sotrudnichestva stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona / Nauch. red. A.B. Volynchuk. Vladivostok, 2010. 626 s.
8. Golyuk N.S. Kriminologicheskoe obespechenie migratsionnoj politiki v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Rossii: Regional'nyj komponent. Avtoref... kand. jur. nauk. Irkutsk, 2007 // YUridicheskaya Rossiya: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1277577> (data obrashheniya: 10.05.2011 g.)
9. Deyatel'nost' regional'nykh migratsionnykh sluzhbb na vostoке Rossijskoj Federatsii. Irkutsk, 2006. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/ (data obrashheniya: 10.05.2011 g.)
10. Dmitriy Medvedev porekomentoval pogransluzhbbam sozdat' sovremennuyu infrastrukturu i pravila, kotorye by migranty ne khoteli narushat'. 03.07.2010 // Pravitel'stvo Amurskoj oblasti: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1877&n=814&rn=1> (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
11. Dmitriy Medvedev posetil KHehfehjskij nauchno-issledovatel'skij institut fiziki plazmy i vstretilsya so studentami i prepodavatel'nyimi Kitajskogo universiteta nauki i tekhnologij // Pravitel'stvo RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/news/7705> (data obrashheniya: 25.10.2013 g.)
12. Dyatlov V.I. Kitajskie migranty v sovremennoj Rossii: praktiki vzaimnoj adaptatsii // Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. S. 180-185.
13. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoке. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.
14. Zagrebnov E. EHkonomicheskaya organizatsiya kitajskoj migratsii na rossijskij Dal'nij Vostok posle raspada SSSR // Prognosis. 2007. № 1. S. 252-277.
15. Zakharova O.D., Mindogulov V.V., Rybakovskij L.L. Nelegal'naya immigratsiya v prigranichnykh rajonakh Dal'nego Vostoka // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 12. S. 11-21.
16. Integratsiya ehkonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nye i neformal'nye praktiki / Nauch. red. N.P. Ryzhovej. Irkutsk: «Ottisk», 2009. 264 s.
17. Karlusov V., Kudin A. Kitajskoe prisutstvie na rossijskom Dal'nem Vostoке: istoriko-ehkonomicheskij analiz // Problemy Dal'nego Vostoka. 2002. № 5. S. 76-87.
18. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funkcionirovaniya (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 474 s.
19. Kireev A.A. Diasporizatsiya kitajskikh migrantov na territorii rossijskogo Dal'nego Vostoka // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2011. № 2. S. 80-90.
20. Kitaj pomnit i blagodarit soldat pobedy // RIA Vostok Media. 7.05.2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: [www http://vostokmedia.com/n44568.html?print](http://vostokmedia.com/n44568.html?print) (data obrashheniya: 18.10.2013 g.)
21. Kitajskie biznesmeny Vladivostoka khotyat pozdravit' nashikh veteranov // Vl. ru. 20.04.2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2009/04/20/kitajcy/> (data obrashheniya: 8.05.2011 g.)
22. Kitajskie deti vo Vladivostoke zagovoryat po-russki // PrimaMedia. ru. 9.03.2011. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://primamedia.ru/news/show.php?id=148735&printmode=1> (data obrashheniya: 8.09.2011 g.)

23. Kozlov L.E. Diaspory v regional'nykh politicheskikh protsessakh Dal'nego Vostoka Rossii // Rossiya i ATR. 2010. № 1. S.128-136.
24. Kondrat'eva T.S. Diaspory v sovremennom mire: ehvolyutsiya yavleniya i ponyatiya // Zagranitsa. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2020.shtml (data obrashheniya: 19.09.2011 g.)
25. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
26. Larin V.L. V teni prosnuvshegosya drakona: Rossijsko-kitajskie otnosheniya na rubezhe KHKH – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 s.
27. Motrich E.L. Transformatsiya migratsionnykh svyazey Dal'nego Vostoka Rossii so stranami blizhnego i dal'nego zarubezh'ya // Prostranstvennaya ehkonomika. 2010. № 2. S. 74-95.
28. Natsional'nye diaspory Vladivostoka aktiviziruyut uchastie v obshhestvennoj zhizni goroda // RIA Vostok Media. 18.09. 2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vostokmedia.com/n55439.html> (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
29. Politika immigratsii i naturalizatsii v Rossii: sostoyanie del i napravleniya razvitiya / Pod red. S.N. Gradirovskogo. M., 2005.
30. Regional'noe soveshhanie s nachal'nikami territorial'nykh organov FMS Rossii po DFO sostoyalos' v YUzhno-Sakhalinske // UFMS po Khabarovskogo krayu: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ufms-khb.ru/node/433> (data obrashheniya: 18.10.2013 g.)
31. Remorenko I. Rossiya planiruet rasshirit' programmu gosudarstvennoj podderzhki obucheniya kitajskikh studentov // ZHen'min' zhibao on-lajn. Russkij yazyk. 23.09. 2011. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7603137.html> (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
32. Ryazantsev S. «Globalizatsiya po-kitajski»: investitsii, migratsiya, diaspora // Mezhdunarodnye protsessy. 2012. T.10. № 3. 21-24.
33. Ryazantsev S.V. Kitajskaya migratsiya v Rossiiu: tendentsii i strategii regulirovaniya 20.03.2011 // MID RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (data obrashheniya: 8.10.2013 g.)
34. Severo-Vostochnyj Kitaj na rubezhe XX – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 240 s.
35. Sin' YAn', N. P. Yablokov. Bor'ba s mafiej v Kitae. Ovchinskij V.S. Mafiya XXI v.: sdelano v Kitae. M.: Norma, 2006. 192 s.
36. Sotni tysyach odnikh kitajtsev // Vremya novostej. № 108. 21 iyunya 2002. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm> (data obrashheniya: 10.06.2011 g.)
37. Stenograficheskij otchet o soveshhanii po tamozhennoj i migratsionnoj problematike v prigranichnykh regionakh. 3 iyulya 2010 g. Blagoveshensk // Prezident Rossii: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8278> (data obrashheniya: 20.10.2013 g.)
38. Stipendial'nyj fond uchredila Assotsiatsiya kitajskikh predprinimatelej Primorskogo kraya OOO "KHuaLyan" v Institute Konfutsiya DVFU// DV-Brand.ru 13.09.2011 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.dv-reclama.ru/dvbussines/obrazovanie/detail.php?blog=dvfu&post_id=10651 (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
39. Stroeveva G.N. Strategii adaptatsii trudovykh migrantov iz Kitaya // Vlast' i upravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii. 2007. № 4. S. 101-108.